

**Макропруденциальное риск-ориентированное регулирование:
зарубежный опыт и особенности реализации в российских условиях.**

Интерес к формированию и развитию механизма макропруденциального риск-ориентированного регулирования в последние годы был вызван прежде всего необходимостью осмысления уроков глобального финансового кризиса и выработки мер, препятствующих повторению аналогичных кризисов в будущем. Это стимулировало разработку подходов к реализации макропруденциального регулирования, направленного на ограничение системного риска финансового сектора, под которым обычно понимается нарушение нормального функционирования финансового сектора, сопровождающееся серьезным негативным воздействием на реальный сектор экономики.

Согласно точке зрения экспертов МВФ, макропруденциальное регулирование направлено на решение трех основных задач¹. Во-первых, оно обеспечивает формирование буферов капитала и ликвидности, повышающих устойчивость финансового сектора к воздействию различных шоков, которые позволяют избежать катастрофических последствий воздействия этих шоков на финансовый сектор в целом и тем самым не допустить приостановления выполнения его функций по предоставлению кредита реальному сектору экономики и осуществлению расчетов. Во-вторых, оно направлено на предотвращение нарастания системного риска финансового сектора на стадии экономического подъема за счет торможения резкого роста объемов кредитования при снижении качества покрытия кредитных рисков и росте уровня финансового рычага как в финансовом, так и в реальном секторах экономики. В-третьих, оно блокирует нарастание уязвимости внутри финансового сектора за счет необоснованного расширения масштаба взаимозависимостей между финансовыми посредниками, подверженными рискам оттока ликвидности и дефолта, и формирования особого режима регулирования для системно значимых финансовых посредников, банкротство которых способно вызвать катастрофические последствия для финансового сектора в целом.

В качестве основного индикатора нарастания уровня системного риска обычно рассматривается резкий рост объемов кредитования. Зарубежный опыт показывает, что увеличение отношения объема кредита нефинансовому сектору к ВВП темпами выше 3% годовых часто служит сигналом раннего предупреждения о последующем наступлении банковского кризиса. Быстрый рост объемов кредитования приводит к чрезмерному увеличению системного кредитного риска, поскольку обычно сопровождается снижением требований к качеству заемщиков и избыточному принятию кредитных рисков. В то же время следует учитывать,

¹ Key aspects of macroprudential policy. – Wash.: IMF, 2013. – p.7. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2013/061013b.pdf>

что не все кредитные бумы завершаются кризисами, поскольку они могут отражать и здоровую тенденцию к расширению использования банковского кредита для финансирования инвестиционных проектов в условиях долгосрочного устойчивого экономического роста, особенно если доля кредита в ВВП на момент начала кредитного бума была достаточно низкой.

В дополнение к основному индикатору доли кредита в ВВП в зарубежной практике мониторинга системного риска используются дополнительные индикаторы, позволяющие определить, в какой степени увеличение объемов кредитования выводит системный риск за границы приемлемого уровня. Эти индикаторы включают:

- Динамику цен активов, используемых в качестве обеспечения при кредитовании под залог (поскольку схлопывание «пузыря» на рынке этих активов и падение цен может привести к реализации системного риска);
- Уровень финансового рычага, принимаемого заемщиками (поскольку в случае нарастания финансового рычага в секторах домохозяйств и корпораций экономика в целом становится более уязвимой к различным шокам, и это отражается и на положении финансового сектора);
- Изменение стандартов кредитования (смягчение требований к заемщикам обычно с определенным лагом приводит к повышению доли проблемных ссуд в ссудном портфеле банков);
- Масштабы использования оптового фондирования для финансирования кредитной экспансии (которые существенно возрастают в случае «нездорового» кредитного бума);
- Чувствительность финансового сектора, а также корпораций и домохозяйств к изменению процентных ставок и обменных курсов валют (поскольку повышение этой чувствительности повышает уязвимость финансового сектора и экономики в целом к воздействию шоков);
- Наличие у банковской системы избыточного капитала, позволяющего абсорбировать риск дефолта заемщиков и падения рыночной стоимости финансовых активов (что обычно проверяется с использованием стресс-тестов).

Благоприятным фактором с позиций оценки системного риска российского банковского сектора является его относительно небольшой размер в сопоставлении с ВВП. По состоянию на 01.01.2014 активы российского банковского сектора составили 86,0% ВВП, капитал – 10,6% ВВП, кредиты, предоставленные нефинансовым организациям и физическим лицам – 48,6% ВВП, вклады физических лиц – 25,4% ВВП². Относительные масштабы российского банковского сектора меньше, чем в развитых и во многих развивающихся странах. В макроэкономическом аспекте это делает приемлемыми риски, которые он на себя принимает, и создает возможность для оказания действенной поддержки государством в случае их ре-

² Обзор банковского сектора Российской Федерации (Интернет-версия). 2014. №138. с.2. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1404.pdf.

лизации. В то же время достаточно серьезной угрозой для системной стабильности российского банковского сектора является быстрый рост кредитования физических лиц, сопровождающийся снижением значений показателей достаточности капитала и ликвидности.

Кредитный бум на рынке розничного кредитования привел к существенному увеличению количества заемщиков-физических лиц, а долговая нагрузка на них, особенно в части процентных расходов по обслуживанию долга, стала достаточно высокой. Наибольшая доля рынка кредитования населения по состоянию на 01.03.2014 приходится на наиболее рискованный сегмент – необеспеченные ссуды, объем которых значительно превышает объем второго по величине сегмента – ипотечные ссуды (5,9 и 2,1 трлн. руб. соответственно, или порядка 61% и 22% от всего объема кредитов населению)³.

Конечно, нельзя не учитывать, что до сих пор отношение объема банковского кредита к ВВП в России заметно ниже по сравнению с большинством развитых и крупных развивающихся экономик. Однако быстрый рост объемов кредитных операций в последние годы привел не только к накоплению кредитных рисков вследствие вероятного снижения качества ссудного портфеля, но и к относительному снижению буферов капитала и ликвидности (см. табл.1), что уменьшило способность российского банковского сектора выдерживать воздействие неблагоприятных системных шоков.

Таблица 1.

Динамика кредитования населения и показателей достаточности капитала и ликвидности российского банковского сектора.

	01.01.09	01.01.10	01.01.11	01.01.12	01.01.13	01.01.14
Кредиты, предоставленные физическим лицам, в % к ВВП	9,7	9,2	8,9	9,9	12,4	14,9
Кредиты, предоставленные физическим лицам, в % к активам банковского сектора	14,3	12,1	12,1	13,3	15,6	17,3
Капитал банковского сектора, в % к активам банковского сектора	13,6	15,7	14,0	12,6	12,3	12,3
Показатель достаточности капитала Н1, %	16,8	20,9	18,1	14,7	13,7	13,5
Отношение ликвидных активов к краткосрочным обязательствам (Н3), %	92,1	102,4	94,3	81,6	82,9	78,7

Источник: Обзор банковского сектора Российской Федерации (Интернет-версия). 2014. №138. с.4, 65. URL: http://www.cbr.ru/analytcs/bank_system/obs_1404.pdf.

Отношение капитала российского банковского сектора к его активам снизилось с 15,7% на 01.01.10 до 12,3% на 01.01.14. Снижение показателя достаточности капитала (нор-

³ Там же – с.75.

матив Н1) еще более ощутимое – с 20,9% на 01.01.10 до 13,5% на 01.01.14, однако оно обусловлено не только опережением темпов роста активов банков над темпами роста собственного капитала, но и изменением порядка расчета норматива Н1, связанного с расширением состава учитываемых рисков и повышением коэффициентов риска по многим активным операциям. Кроме того, активное развитие масштаба кредитных операций в последние годы привело к снижению уровня ликвидности российского банковского сектора, что повысило его зависимость от финансирования со стороны Банка России и чувствительность к шокам, связанным с возможным оттоком пассивов.

Однако несмотря на увеличение кредитных рисков и сокращение достаточности капитала российского банковского сектора в последние годы, следует отметить, что в сравнении со многими другими странами, в частности, входящими в группу БРИКС, системная устойчивость российских банков выглядит достаточно убедительно (см. табл.2).

Таблица 2.

Основные показатели банковского сектора стран БРИКС на конец 2013 г.

Страна	Доля кредита нефинансовому частному сектору в ВВП, %	Отношение активов к совокупному капиталу банковского сектора, раз
Бразилия	70	11
Россия	47	9
Индия	51	14
Китай	133	16
ЮАР	67	13

Источник: Global Financial Stability Report. Moving from liquidity to growth-driven markets. – Wash.: IMF, April 2014. p.25. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2014/01/pdf/text.pdf>

Согласно данным МВФ, Россия одновременно характеризуется наименьшей долей кредита в ВВП и наименьшим отношением банковских активов к банковскому капиталу (т.е. наибольшим отношением капитала к активам) среди всех стран БРИКС. Это позволяет достаточно высоко оценивать системную устойчивость российского банковского сектора – как с точки зрения масштаба принятых им на себя кредитных рисков, так и с точки зрения потенциальной возможности покрывать убытки по ссудному портфелю за счет «подушки» собственного капитала.

В отчете о развитии банковского сектора и банковского надзора приводятся результаты проводимых в Банке России стресс-тестов российского банковского сектора, которые позволяют оценить возможные потери отдельных финансовых институтов и банковского сектора в целом при реализации крайне неблагоприятных, но в то же время реально возможных стрессовых сценариев. В настоящее время для проведения стресс-тестирования Банк России использует разработанную ЗАО «Прогноз» эконометрическую модель, которая описывает

воздействие изменения макроэкономических показателей, соответствующего параметрам сценария, на различные показатели банковского сектора.

В отчете Банка России о развитии банковского сектора и банковского надзора за 2013 г. приведены результаты стресс-тестов, проведенных по состоянию на 01.01.2014⁴. В случае реализации пессимистического сценария потери банковского сектора России в 2014 г. могут составить 2,6 трлн.руб. (35% капитала банковского сектора и 3,9% ВВП), а в случае реализации экстремального сценария – 2,6 трлн.руб. (42% капитала банковского сектора и 3,9% ВВП). Наибольшая часть потерь (1,5 и 2,3 трлн.руб. при реализации пессимистического и экстремального сценариев) приходится на потери от реализации кредитного риска.

В целом российский банковский сектор устойчив к шоку, который фактически реализуется в 2014 г., однако многие банки понесут убытки, и им потребуется докапитализация. Ожидаемые потери российских банков при реализации стрессовых сценариев превышают масштабы финансовой поддержки, оказанной государством российскому банковскому сектору в условиях острой фазы финансового кризиса 2008 г. Тогда объем инвестиций государства в уставный капитал ВТБ и Внешэкономбанка составил 505 млрд.руб. (1,3% ВВП), а объемом субординированных кредитов, предоставленных Внешэкономбанком и Банком России группе государственных и частных банков - 904 млрд.руб. (2,2% ВВП)⁵.

В качестве основных достоинств методологии стресс-тестирования, используемой Банком России, можно отметить следующие:

1. Стресс-тесты охватывают весь российский банковский сектор.
2. Стресс-тесты позволяют оценивать последствия реализации различных банковских рисков – кредитного риска, рыночного риска (процентного, фондового и валютного), а также риска ликвидности.
3. Стресс-тесты отражают влияние изменений макроэкономических факторов риска на показатели банковского сектора.

В то же время можно отметить и ряд недостатков и /или спорных аспектов методологии стресс-тестирования, используемой Банком России:

1. Моделирование развития российского банковского сектора в условиях стресса осуществляется на горизонте прогнозирования один год. Этот период времени вполне достаточен для оценки последствий реализации рыночного риска и риска ликвидности, но представляется коротким с позиций оценки последствий реализации кредитного риска. В случае устойчиво-

⁴ Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2013 г. – М.: ЦБ РФ, 2014. – с.54-56. URL: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9524

⁵ Russian Federation: Technical note on stress testing of the banking sector // IMF Country Reports. 2011. No.334. – p.10. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2011/cr11334.pdf>

го ухудшения конъюнктуры внешних рынков, условий доступа на них российских экономических агентов, а также макроэкономической ситуации в стране потери от реализации кредитного риска могут оказаться наиболее существенными при выходе за рамки рассматриваемого однолетнего временного интервала. Поэтому для целей оценки устойчивости российского банковского сектора к реализации кредитного риска можно рекомендовать Банку России и ЗАО «Прогноз» увеличить горизонт прогнозирования до 2-3 лет.

2. Используемая в настоящее время Банком России и ЗАО «Прогноз» методология расчетов предполагает учет изменений в состоянии российского банковского сектора под воздействием изменений в макроэкономической ситуации. Однако она не отражает обратного влияния банковского сектора (например, замедления темпов прироста кредитования) на макроэкономические показатели (динамику реального ВВП и инфляции). Учет обратного влияния банковского сектора на реальный сектор экономики особенно важен в контексте моделирования решений в области осуществления макропруденциального регулирования, ориентированного на воздействие не только на финансовый, но и на реальный сектор экономики.

3. Крайне ограниченный объем публикуемой информации о структуре моделей, используемых при проведении стресс-тестирования, и методах оценивания их параметров делает неоднозначной интерпретацию итоговых результатов стресс-тестов. Кроме того, формат отчетности о результатах стресс-тестирования, используемый Банком России, не предполагает раскрытия информации не только о последствиях рассматриваемых шоков для отдельных коммерческих банков (что применяется за рубежом в отношении системно значимых финансовых институтов), но и для относительно однородных групп банков (например, банков с государственным участием, банков с участием иностранного капитала, крупных частных банков, малых и средних частных банков). Это ограничивает возможность экономических агентов корректировать свои решения и действия с учетом информации об оценке уровня системного риска регулятором.

4. При представлении информации о результатах стресс-тестирования Банк России ограничивается приведением оценок потерь российского банковского сектора от реализации кредитного риска, рыночного риска и риска ликвидности, но не дает никакой информации о предполагаемых действиях регулятора в условиях реализации стрессовых сценариев, которые, как правило, существенно уменьшают масштабы потерь. Это затрудняет адекватное восприятие последствий реализации стрессового сценария для банковского сектора и российской экономики в целом, поскольку рациональные экономические агенты вполне обоснованно не могут исходить из предположения о полной пассивности регулятора в кризисных условиях.

Основные макропруденциальные инструменты, воздействующие на условия деятельности банков, представляют собой надстройки над традиционными микропруденциальными инструментами, адаптированные для воздействия на уровень системного риска и применяемые с учетом их влияния на весь финансовый сектор и характер его взаимодействия с реальным сектором экономики. Основные инструменты регулирования системного риска во времени с учетом фазы экономического цикла включают контрциклический буфер капитала, динамические резервы на возможные потери по ссудам и динамические коэффициенты риска отдельных категорий активов.

Контрциклический буфер капитала будет введен во многих странах в течение периода с 2016 по 2019 г. в результате внедрения положений соглашения Базель III. Предполагается, что этот буфер позволит сгладить динамику объемов кредитования на различных фазах экономического цикла. Формирование буфера позволит ограничить масштабы кредитного бума на стадии подъема экономической активности. Снятие требований к поддержанию контрциклического буфера в период экономического спада, роста объемов проблемной задолженности и образования убытков у банков позволит избежать резкого снижения объемов предложения кредита реальному сектору экономики в неблагоприятных условиях.

Базовый вариант расчета контрциклического буфера, который национальный регулятор может уточнять и развивать с учетом страновой специфики, предполагает определение его значения исходя из отклонения отношения кредита частному нефинансовому сектору к ВВП от долгосрочного тренда⁶. Максимальное значение буфера капитала принимается равным 2,5% взвешенных по риску активов.

В России введение контрциклического буфера капитала пока не предусмотрено. По всей видимости, это обусловлено чрезмерной жесткостью требований Базеля III к банковскому капиталу даже при низком уровне кредитной активности и необходимостью их введения в условиях низких темпов роста российской экономики. Однако с учетом особой роли этого механизма в системе макропруденциальных инструментов, а также повышенной волатильности темпов прироста ВВП России и высокой чувствительности российского банковского сектора к воздействию внешних шоков отказ от его использования представляется не вполне обоснованным.

В российских условиях, характеризующихся относительно низкой по сравнению с большинством развитых и многими развивающимися странами долей кредита в ВВП, не менее значимым по отношению к росту общих объемов кредитования фактором системного риска является приток иностранного капитала, который в условиях кризиса и реализации

⁶ Guidance for national authorities operating the countercyclical capital buffer. – Basel: BIS, 2010. – p.13. URL: <http://www.bis.org/publ/bcbs187.pdf>

геополитических рисков сменяется существенным оттоком. Поэтому в случае введения контрциклического буфера капитала в России следует изучить возможность его привязки не к доле совокупного кредита в ВВП, а к доле иностранных кредитов (полученных российскими банками и компаниями) в ВВП, включая заимствования крупных российских компаний, не отражаемые на балансе российского банковского сектора. В этом случае снятие буфера, сформированного в период благоприятной экономической конъюнктуры, позволит частично компенсировать отток иностранного капитала из страны в кризисных условиях за счет расширения предложения кредита российскими банками.

Кроме того, можно высказать предположение, что в специфических российских условиях роль контрциклического буфера капитала должна быть даже больше, чем в международной практике. Это может быть реализовано посредством установления пониженных по сравнению с текущими минимальных требований к достаточности совокупного банковского капитала (которые в настоящее время установлены в размере 10% от взвешенных по риску активов, в то время как международные стандарты ограничиваются уровнем в 8% от взвешенных по риску активов) в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры, но повышенных требований к максимальному уровню контрциклического буфера (превышающих 2,5% от взвешенных по риску активов) для фазы экономического подъема и кредитного бума. Такой подход позволит формировать в благоприятных экономических условиях подушку капитала, позволяющую компенсировать последствия оттока иностранного капитала и роста убытков по ссудному портфелю банков без принятия масштабных экстренных мер по докапитализации российского банковского сектора за счет средств государства, что было осуществлено в условиях острой фазы кризиса 2008 г. Следует также отметить, что возможность установления национальным регулятором максимального значения контрциклического буфера капитала на уровне, превышающем 2,5% от взвешенных по риску активов, как и использования нестандартного алгоритма его расчета, прямо предусмотрена документами Базельского комитета по банковскому надзору⁷.

Динамические резервы на возможные потери по ссудам предназначены для равномерного распределения убытков по ссудному портфелю в течение всего кредитного цикла. Использование повышенных нормативов формирования резервов на возможные потери по ссудам на стадии подъема экономической активности противодействует тенденции снижения резервов на возможные потери вследствие повышения качества ссудного портфеля. Резервы, сформированные на стадии экономического подъема, могут быть использованы при ухудшении ситуации в экономике для покрытия значительной части убытков банков от кредитных

⁷ Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems. – Basel: BIS, 2010. – p.58. URL: <http://www.bis.org/publ/bcbs189.pdf>.

операций. При этом в условиях кризиса при использовании динамического подхода требования к формированию резервов на возможные потери могут быть смягчены.

Смягчение требований к формированию резервов на возможные потери по ссудам Банком России в условиях острой фазы кризиса в 2009 г. соответствует логике динамического подхода. Тогда требования по классификации ссуд были изменены таким образом, что ссуды юридическим (физическим) лицам стали считаться просроченными, только если продолжительность задержки платежа превышает 30 (60 – для физических лиц) дней, что существенно больше сроков в 5 (30) дней, установленных прежними правилами. Кроме того, было разрешено не снижать классификационную категорию реструктурируемых ссуд. Данные решения уменьшили потребность в резервировании на 300 млрд. руб., что составляло 7% от капитала российского банковского сектора⁸.

После преодоления наиболее острых последствий внешнего шока с июля 2010 г. решения о смягчении правил формирования резервов на возможные потери по ссудам были отменены, что вполне соответствует логике макропруденциального регулирования системного риска банковского сектора. Однако эта логика предусматривает также формирование значительного буфера на фазе экономического роста, что в полной мере не реализуется в российских условиях.

Для воздействия на отдельные сегменты кредитного рынка, где могут накапливаться значительные риски, могут применяться такие меры макропруденциального регулирования, как повышение нормативов резервов на возможные потери и повышение коэффициентов риска активов по отдельным операциям. В России данный инструментарий применяется для ограничения темпов роста необеспеченного кредитования физических лиц, где в настоящее время наблюдается чрезмерная концентрация рисков банковского сектора. С этой целью Банком России были приняты решения повысить требования к резервам на возможные потери по портфелям необеспеченных розничных ссуд и к капиталу на покрытие этих ссуд (первое решение принято в IV квартале 2012 г. и реализовано в первом полугодии 2013 г., а второе – в IV квартале 2013 г. и реализовано в I квартале 2014 г.)⁹.

В международной практике важную роль в регулировании объемов кредитования физических лиц и принимаемых в связи с этим рисков играют нормативы максимально допустимого отношения суммы кредита к стоимости залога Loan to Value (LTV) и отношения объема долга к доходу заемщика Debt to Income (DTI). Норматив максимально допустимого отношения суммы кредита к стоимости залога позволяет ограничить кредитные риски, связан-

⁸ Russian Federation: Technical note on stress testing of the banking sector // IMF Country Reports. 2011. No.334. – p.11. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/sctr/2011/cr11334.pdf>

⁹ Симановский А.Ю. Банковское регулирование: реэволюция // Деньги и кредит. 2014. №3. – с.8.

ные с возможным падением цен на жилую недвижимость. Норматив отношения объема долга к доходу заемщика позволяет повысить способность заемщиков обслуживать привлеченные кредиты даже в неблагоприятных экономических условиях. Пересмотр пороговых значений LTV и DTI может осуществляться контрциклически для регулирования системного риска во времени.

Банком России нормативы LTV и DTI в настоящее время не применяются. Конечно, многие российские коммерческие банки применяют соотношения LTV и DTI в рамках собственной кредитной политики, однако в условиях ужесточения конкуренции без вмешательства со стороны регулятора стандарты кредитования могут смягчаться.

Учитывая пока довольно незначительную долю ипотечных ссуд в общем объеме ссудного портфеля российских банков, а также второстепенную роль колебаний цен на рынке недвижимости в системе факторов, определяющих условия реализации системного риска на российском финансовом рынке (в гораздо большей степени зависящего от ситуации на международном финансовом рынке и рынке сырья, чем на российском рынке жилой недвижимости), внедрение норматива LTV в российскую практику пруденциального надзора на текущем этапе вряд ли является остро необходимым. Однако высокие темпы прироста объемов кредитования физических лиц российскими коммерческими банками, ведущие к чрезмерному увеличению долговой нагрузки многих заемщиков, при наличии реальной угрозы падения их доходов заставляют задуматься над возможностью введения норматива DTI как дополнительной меры регулирования, позволяющей воздействовать на накопление кредитных рисков в данном сегменте. Введение предельно допустимого значения DTI позволит привязать темпы прироста кредитования физических лиц к темпам прироста заработной платы и окажется особенно оправданным при реализации неблагоприятного макроэкономического сценария, сопровождающегося экономическим спадом и повышением уровня безработицы.

Важную роль среди инструментов макропруденциального регулирования, препятствующих чрезмерному накоплению рисков вследствие неоправданного расширения масштабов взаимной зависимости между финансовыми посредниками, играют коэффициенты ликвидности. В рамках Базеля III предусматривается использование таких инструментов, как 30-дневный коэффициент ликвидности Liquidity Coverage Ratio (LCR) и показатель чистого стабильного фондирования Net Stable Funding Ratio (NSFR). Их внедрение позволяет ограничить зависимость банков от привлечения оптового финансирования на рынке межбанковского кредитования и снизить риск разрыва в срочности активов и обязательств, что делает банки более устойчивыми к воздействию шоков ликвидности.

Учитывая заметное ухудшение показателей ликвидности российских банков в последние годы, выполнение требований Базеля III к уровню ликвидности потребует серьезного пересмотра их бизнес-моделей. В порядке реакции на ужесточение требований к ликвидности банки должны скорректировать портфели своих активов и обязательств, используя следующие возможности: замещение краткосрочного фондирования долгосрочным; сокращение сроков предоставления кредитов; сокращение неликвидных активов, которые требуют стабильного фондирования. Замещение краткосрочного фондирования долгосрочным приводит к росту издержек фондирования, а замещение неликвидных активов ликвидными и сокращение сроков предоставления кредитов приводят к уменьшению процентных доходов банка, если спред между ставками по депозитам и кредитам остается неизменным. В случае ограниченности доступа к стабильным источникам фондирования для удовлетворения новых требований к ликвидности банки вынуждены уменьшать масштабы операций.

Кроме закрепления ряда инструментов макропруденциального воздействия на состояние банковского сектора с учетом фазы экономического цикла и степени взаимозависимости между банками, существенной особенностью Базеля III является общее ужесточение требований к банковскому капиталу. Первый этап реализации новых требований направлен на повышение доли форм капитала, обладающих наибольшей способностью абсорбировать убытки, при сохранении требования к совокупной величине капитала первого и второго уровней на прежнем уровне в 8% от активов, взвешенных с учетом риска.

В дальнейшем Базель III предусматривает создание специальных буферов капитала, которые увеличивают требования к величине базового капитала, формируемого за счет средств владельцев обыкновенных акций. Буфер поддержания (консервации) капитала (*capital conservation buffer*), формируемый начиная с 1 января 2016 г., должен достигнуть уровня в 2,5% от взвешенных по риску активов к 1 января 2019 г. при ежегодном повышении на 0,625 процентных пунктов. Механизм буферов капитала предполагает ограничение размеров выплат дивидендов акционерам и бонусов топ-менеджерам при снижении достаточности капитала ниже минимально допустимого уровня с учетом требуемых дополнительных буферов.

В России минимальный размер базового капитала, формируемого за счет средств владельцев обыкновенных акций, установлен в размере 5% от взвешенных по риску активов, что на 0,5 процентного пункта выше предусмотренного международными соглашениями. При этом нормативное значение показателя достаточности совокупного банковского капитала без учета буферов по-прежнему установлено на уровне 10% от взвешенных с учетом риска активов, в отличие от 8%, предусмотренных Базелем III. Начиная с 1 января 2016 г. для российских банков предполагается введение буфера поддержания (консервации) капитала,

поэтапно увеличиваемого с 2016 по 2019 год до уровня 2,5%, установленного международными соглашениями.

Базель III предусматривает и повышенные требования к капиталу системно значимых коммерческих банков. Теоретически это позволяет снизить вероятность реализации риска утраты платежеспособности крупнейших банков, которое может оказать значительное негативное влияние на весь финансовый сектор или потребует значительных затрат бюджетных средств на докапитализацию системообразующих банков. Для российских системно значимых коммерческих банков с 2016 г. также предполагается введение дополнительного буфера капитала в размере 1% от активов, взвешенных по уровню риска.

С точки зрения автора, механическое внедрение новых стандартов Базеля III в России в условиях снижения темпов роста национальной экономики и ухудшения условий взаимодействия с внешним миром в соответствии с ранее намеченным графиком, не учитывающим изменения геополитической ситуации, чревато серьезными негативными последствиями. Практическое применение этих мер способно создать значительные трудности при формировании дополнительного капитала российских банков, особенно на фоне необходимости осуществлять докапитализацию вследствие вероятной реализации системных кредитных рисков, а также сократит возможности получения кредита, особенно малыми и средними предприятиями, требования к которым характеризуются высокими коэффициентами риска. Все это отрицательно повлияет на темпы экономического роста, особенно в условиях резкого затруднения или даже полного прекращения доступа к внешним источникам финансирования. Поэтому в случае вступления российской экономики в фазу рецессии или долгосрочной стагнации достаточно остро может встать вопрос о переносе сроков внедрения отдельных положений Базеля III и установлении для российских банков более мягких требований к достаточности капитала и ликвидности. Напрашивается решение о параллельном с введением буферов капитала снижении норматива достаточности совокупного капитала с 10% до 8% от взвешенных по риску активов, т.е. уровня, предусмотренного международными соглашениями. Это будет отвечать логике макропруденциального регулирования, учитывающей интересы и потребности реального сектора экономики в условиях неблагоприятной конъюнктуры финансового рынка.

Литература

1. Обзор банковского сектора Российской Федерации (Интернет-версия). Аналитические показатели. 2014. №138. – М.: ЦБ РФ, 2014. – 91 с. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1404.pdf.

2. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2013 г. – М.: ЦБ РФ, 2014. – 128 с. URL: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9524.
3. Симановский А.Ю. Банковское регулирование: реэволюция // Деньги и кредит. 2014. №3. – с.3-11.
4. Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems. – Basel: Bank for International Settlements, December 2010 (rev June 2011). – 69 p. URL: <http://www.bis.org/publ/bcbs189.pdf>.
5. Global Financial Stability Report. Moving from liquidity to growth-driven markets. – Wash.: International Monetary Fund, April 2014. – 170 p. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2014/01/pdf/text.pdf>
6. Guidance for national authorities operating the countercyclical capital buffer. – Basel: Bank for International Settlements, December 2010. – 27 p. URL: <http://www.bis.org/publ/bcbs187.pdf>
7. Key aspects of macroprudential policy. – Wash.: IMF, 2013. – 61 p. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2013/061013b.pdf>
8. Operationalising the selection and application of macroprudential instruments // Committee on the Global Financial System Papers. 2012. No.48. – 69 p. URL: <http://www.bis.org/publ/cgfs48.pdf>
9. Russian Federation: Technical note on stress testing of the banking sector // IMF Country Reports. 2011. No.334. – 43 p. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2011/cr11334.pdf>